

АДАПТАЦИЯ И ОСТРАНЕНИЕ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» К. ИНГЛИШЕМ)

Рассматривается соотношение адаптивной и острающей стратегий перевода на современном этапе переводческой рецепции поэмы «Мертвые души». Автор выдвигает тезис о том, что сам текст оригинала моделирует установку на остранение при переводе культурно маркированных фрагментов.

Ключевые слова: перевод; адаптация; остранение.

В своем предисловии к переводу «Мертвых душ» (1998 г.) Кристофер Инглиш пишет, что зоной особой актуальности для него является язык Гоголя, нестандартная норма словоупотребления, ономастический космос поэмы: «<...> Россия «Мертвых душ» <...> – это страна слов, а не страна [людей] из плоти и крови. <...> Мир Гоголя – это мир не столько вещей, сколько имен этих вещей (Thus, the Russia of *Dead Souls* is <...> a Russia of words and not of flesh and bones. <...> Gogol's is a word not so much of things, as the names of those things)» [1. P. vii].

В отношении названных аспектов поэтики оригинала переводческие решения Инглиша не всегда оказываются конгениальными тексту поэмы. Стилистически рассматриваемый перевод, в основном, удачен. Манилов говорит о губернаторе: «Не правда ли, что предпочтеннейший и прелюбезнейший человек?» [2. С. 28]. Эффект от аккумуляции аффиксов с усилительным значением Инглиш изобретательно передает в переводе, создавая типично гоголевскую гиперболу, не уместающуюся в границах нормативной грамматики: «Is he not the most extremely distinguished and most amiable of men?» [1. С. 23]. Сочетание наречий *most* и *extremely*, из которых и то, и другое означает крайнюю степень проявления какого-либо признака, является синтаксически неоправданным, но с точки зрения гоголевского стиля, дает нужный эффект. Собственно, в данном конкретном фрагменте в оригинале не содержится такого отклонения от грамматических норм, так что Инглиш в определенном смысле сделал этот эпизод «более гоголевским», чем он есть на самом деле. Но в контексте всего текста данное переводческое решение выглядит мотивированным и удачным. Вот еще пример остроумного переводческого решения: о своем герое Гоголь пишет: «Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории» [2. С. 71]. Гоголь добивается комического эффекта, обыгрывая два значения слова «история» – «случай» и «значительные события прошлого», – но в английском языке двум этим значениям соответствуют два разных слова (*story* и *history*), причем в данном контексте *story* может быть понято как «рассказ». Инглиш решает проблему с помощью заимствования из французского *histoire*, которое нужным образом контрастирует со словом *history* и блокирует нежелательное значение «рассказ»: «In a sense, Nozdryov was a history-making man, for no gathering at which he was present could proceed without an *histoire*» [1. С. 68].

Но нередки случаи, когда Инглиш, как и все до единого переводчики до него, стандартизирует гоголевский стиль. Вот Плюшкин «произвел небольшое молчание <...>» [2. С. 124]. Только гоголевский герой мо-

жет произвести молчание: производство предполагает наличие какого-либо звука, а молчание – это, по определению, его отсутствие. «This he followed with a brief silence (За этим последовало короткое молчание) <...>» [1. С. 123] – так этот фрагмент звучит в переводе. Исчезают из перевода и такие идиоматические словосочетания, как «моргая усом» или «подмигнул бровью и губами». Тем не менее, в отношении стиля перевод Инглиша является одним из наиболее эквивалентных, но приводит множественные тому доказательства запрещает объем данной работы.

Итак, если Инглишу и не всегда удается передать особенности гоголевского языка, то его безусловной заслугой является воссоздание в переводе феномена языка как объекта изображения, языка, обладающего определенной этнокультурной идентичностью. Инглиш принципиально внимателен к тем фрагментам текста, где Гоголь «остраняется» от языка, фокусируясь не на фиктивной реальности, а на том, какое эта реальность получает языковое воплощение. Перевод Инглиша отличается большой скрупулезностью и изобретательностью во всем, что касается различных терминов, прозвищ, названий: вообще, слов-реалий, – которые Гоголь сводит в целые классификации. Это и клички собак Ноздрева, и названия различных блюд, и имена героев. Приведем для примера серию названий, которыми герои поэмы наделяют карточные масти: «<...> “черви! червоточина! пикенция!” или: “пикендрас! Пичурущих! пичура!” и даже просто: “пичук!”» [2. С. 16]. Этот же фрагмент в переводе: «<...> “Hearts! Heartburn! Spadeface!” or: “Spadelets! Spadrillo! Spadrango!” and even simply: “Spads!”» [1. С. 12]. Редкому названию «карамора» Инглиш находит столь же необычное соответствие «gallinipper» [1. С. 86]. Удачным нам представляется перевод слова «фетюк», которым несколько раз пользуется Ноздрев, а потом и автор. Ранние переводы транслитерировали слово (*Fetyuk*, *Thetuk*); Инглиш предлагает вариант *Thumbsucker* [1. С. 74] (буквально: тот, кто сосет большой палец руки). Сочетание *th* соответствует греческой фите, которая, как указывает Гоголь, считается «неприличною буквою»: тем самым вариант Инглиша сохраняет, хотя и не в очевидной форме, этнокультурную окраску слова (дополнительные разъяснения приводятся в «Примечаниях»). В то же время данное переводческое решение адекватно передает семантику «не-мужественности», в чем Ноздрев и обвиняет своего зятя. И наконец, *Thumbsucker* – это пример творческого адаптивного перевода, поскольку в целом напоминает по звучанию другие англоязычные бранные слова (*sucker*, *motherfucker*). Вот еще один пример удачного адаптивного перевода фрагмента, имеющего яркую этнокультурную окраску.

Речь идет о тексте песни «<...> “Ах ты такой и этакой камаринский мужик”»: «<...> “Oh you little so and so, Kamarinsky laddy-o!”» [1. С. 152]. Инглиш сохраняет топоним «камаринский», чем актуализирует национальный колорит, но при этом пользуется поэтическим языком английской народной песни («laddy-o»), достигая адекватности восприятия со стороны аудитории перевода. Мы обнаружили только один случай, когда Инглиш впадает в крайность адаптивного перевода – во фрагменте, где Чичиков восклицает на балу: «Вона! Пошла писать губерния!» [2. С. 164]; междометие героя переведено как «By Jove!» [1. С. 165], т.е. буквально: «Клянусь Юпитером!», – что все-таки звучит не очень правдоподобно в устах русского гоголевского героя. В другом эпизоде культурная ассимиляция заходит не так далеко, но переводческое решение, предложенное Инглишем, также является спорным. Речь идет о фрагменте последней главы, где описывается крах махинаций Чичикова на таможене: «<...> какой-то нелегкий зверь <...> перебежал поперек всему» [2. С. 236]. У Инглиша «нелегкий зверь» превращается в «озорного гоблина (mischievous goblin [1. С. 243])», персонажа западноевропейского фольклора.

Говоря о культурной адаптации поэмы, мы должны рассмотреть тексты оригинала и перевода на фоне двух языковых культур: русского литературного языка XIX в. и английского литературного языка XX в. Гоголь «воспитывает» как сам русский литературный язык, так и носителей этого языка. В данной перспективе можно говорить о том, что Гоголь преследует не строго художественную цель сохранения русского языка, его самостояния: «Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. Итак, станем продолжать по-русски» [2. С. 182–183]. Насколько нам известно, Гоголь только дважды отклонился от позиций языкового протекционизма, употребив в восьмой главе латинское *postscriptum* [2. С. 161], и в девятой французское слово *tête-à-tête* [2. С. 192]; в других случаях он прибегает к транслитерации: «бель-фам» [2. С. 181], «оррёр» [2. С. 183].

В этой связи исследователь переводов «Мертвых душ» может задать следующий вопрос: понижает ли эквивалентность рассматриваемого перевода тот факт, что насколько регулярно Гоголь избегает использования иностранных слов, настолько же регулярно Инглиш их использует? *Chef-d'oeuvre, de regueur, soirée, avec délicatesse, ex cathedra, bon mot, toilette, sine qua non, beau monde, sotto voce, en masse, petit baiser, je ne sais quoi, le meilleur ton, à la vieille Russie, mirabile dictu, comméragé* – вот неполный список выражений на французском, латинском, итальянском языках, которыми интерферирует текст перевода. Итак, должен ли переводной текст быть в той же мере англоязычным, в какой гоголевский текст является русскоязычным? Установка на максимальную эквивалентность предполагает, что должен, и значит, в отношении рассматриваемых

языковых единиц перевод Инглиша не является эквивалентным. Является ли он, по крайней мере, адекватным? С одной стороны, эксплицитно отказываясь от того, чтобы «внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму», Гоголь решает и нехудожественную «экологическую» задачу, актуальную для языковой культуры России середины XIX в., но не Англии или Америки 1998 г. Таким образом, отказ от реализации данного проекта в переводе можно считать адекватным переводческим решением. С другой стороны, введение в текст иноязычных языковых единиц создает определенный художественный эффект, которого нет у Гоголя. Инглиш монолитный в языковом отношении текст подвергает известной «вавилонизации», имея в виду, может быть, Джойса, параллели с которым проводит и он сам в своем предисловии, и вообще, англоязычное литературоведение начиная с Набокова. Следует оговориться, однако, что в данном случае «вавилонизация» не проблематизирует читательское восприятие. Лексический фонд английского языка в гораздо большей степени обязан заимствованиям из французского, нежели вокабуляр русского языка. Поэтому французское слово *soirée* для англоязычного читателя не будет существенно контрастировать с остальным текстом – во-первых, благодаря заимствованию *soirée*, во-вторых, благодаря тому, что два языка используют графически сходные алфавитные системы. По этой же причине можно считать оправданным использование Инглишем французских эквивалентов, когда Гоголь использует заимствования как таковые (напр., «шедевр») или транслитерацию (напр., бель-фам): транслитерация же *belle femme* на английский язык, скорее всего, затруднила бы понимание.

И тем не менее, во многих случаях иноязычные фразы в переводе Инглиша никак не мотивированы оригиналом. *Mirabile dictu* [1. С. 189] – читаем в английском тексте там, где у Гоголя всего лишь «к величайшему изумлению» (по поводу того, что взаимные обвинения не привели к ссоре дамы приятной во всех отношениях и просто приятной дамы); Гоголь, описывая нравы NN-ских дам, указывает, что визитная карточка «вещь была очень священная» [2. С. 231], что Инглиш переводит как *sine qua non* [1. С. 159]; сплетня о похищении губернаторской дочки обсуждается героями в русском тексте «досыта» [2. С. 173] – выражение, которое Инглиш переводит как *ad nauseam* [1. С. 175]. Причем, если гоголевский автор отказывается «внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму» [2. С. 183], то в переводе он расширяет ограничение лишь на целые предложения на другом языке, тем самым санкционируя использование отдельных фраз или слов: «Yet however great the author's veneration for the salutary benefits brought by the French tongue to Russia, <...> he cannot bring himself to insert a sentence of any alien tongue whatsoever into this, his Russian poem. Thus, let it proceed in Russian» [1. С. 184–185].

Введение большого количества иноязычных вставок – особенно это относится к латинизмам – приводит к тому, что язык произведения становится более «элитарным», «рафинированным», «интеллектуальным». Это можно считать следствием культурной адаптации,

которую претерпевает текст, становясь фактом европейской культуры посредством перевода. И несмотря на то, что такой код интеллектуальности не характерен для творчества Гоголя (в отличие от других русских классиков XIX в., чье творчество стоит на более активных диалогических позициях по отношению к европейской культуре), рассмотренные переводческие решения могут служить адекватным средством интеграции «самого русского» произведения в иноязычную среду, делая гоголевский текст более органичным для европейского дискурса. Характерно, что и сам Гоголь ассоциировал английский язык с «*мудрым* познанием жизни <курсив мой>» [2. С. 109].

Мы рассмотрели адаптивное направление переводческой стратегии Инглиша в отношении культурно окрашенных фрагментов текста. Ниже речь пойдет о другом переводческом подходе, который можно назвать «переводом-остранением», «переводом-калькой».

Помимо фраз на французском, латинском и итальянском языках, к группе иноязычных элементов в тексте перевода относятся и собственно русские слова, транслитерированные Инглишем. Такие лексические единицы, как *zakuski* или *bogatyr*, выполняют двойную функцию. Во-первых, будучи безэквивалентным, слово «закуски» при транслитерации осуществляет этнокультурную идентификацию понятия, актуализирует национальный колорит; причем само это слово не нуждается в страноведческом комментарии благодаря англоязычному заимствованию *zakuski*, тогда как *bogatyr* требует такого комментария, и Инглиш дает его в «Примечаниях». Во-вторых, транслитерация с русского языка дает эффект остранения, напоминает читателю о том, что перед ним все-таки перевод, а не оригинальный текст. Следует отметить, однако, что этот эффект, создаваемый при переводе, неожиданно оказывается конгениальным поэтике оригинала в тех фрагментах, где сам Гоголь моделирует установку на остранение. Речь идет о фрагментах, содержащих идиоматические выражения. Фразеологические обороты часто входят в текст в сопровождении маркера, заостряющего (или моделирующего) их языковую неорганичность, экзотичность: это формулы цитирования, сигнализирующие введение в авторский текст «чужого» слова. Первый день Чичикова в городе NN завершается крепким сном «во всю насосную завертку, *как выражаются в иных местах обширного русского государства*» (здесь и далее курсив мой. – О.Н.) [2. С. 12]. Зять Ноздрева отпрашивается домой так незэнергично, «как будто бы, *по русскому выражению*, натаскивал клещами на лошадь хомут» [2. С. 76]. В присутственных местах циркулируют рекомендательные письма «за подписью князя Хованского, *как выражаются у нас на Руси*» [2. С. 231]. Мокия Кифовича Гоголь характеризует так: «*что называют на Руси богатырь*» [2. С. 244]. Выделенные нами метаязыковые формулы не позволяют воспринимать те идиоматические обороты, которые они определяют, как органичные для авторского языка, как часть узуса или идеолекта. В следующем примере интенция текста к остранению усиливается: о ряде помещиков города NN говорится, что они «знались только, *как выражаются*, с помещиками Завалишиным да Полежаевым (*знаменитые термины, произведенные от*

глаголов “полежать” и “завалиться”, которые в большом ходу у нас на Руси, все равно как фраза: захватить к Сопикову и Храповицкому, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во во всех иных положениях, с захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями) <...>» [2. С. 190]. Несмотря на то, что русскоязычный читатель способен самостоятельно вычленить внутреннюю форму вымышленных имен Завалишин и Полежаев, Гоголь приводит довольно пространный комментарий, дающий этимологическое обоснование этих имен, описывающий значение использованного фразеологизма и, наконец, содержащего аналогичную идиоматическую единицу, то есть, делает все то, что делает переводчик, стремящийся обеспечить своей аудитории адекватное понимание инокультурной реалии.

Выявление фактов «языкового» остранения резонирует с концепцией, согласно которой использование эпитета «русский» применительно к заведомо русским персонажам (двум мужикам из первой главы) самого рассказчика делает не-русским (словно «русскость» героев для него не есть некое самоочевидное качество, по умолчанию имманентное затекстовому миру), ставит его в стороннее положение по отношению к изображаемой реальности. В этом можно усмотреть попытку смоделировать объективную точку зрения, которая бы соответствовала проекту «показать хотя с одного боку всю Русь». Такой отказ от самоочевидности имеет, по всей видимости, не только художественные основания: большую часть поэмы Гоголь, действительно, написал находясь за пределами России. Кроме того, А. Белый указывает вслед за Гиппиусом, что и по отношению собственно к русскому языку «<...> Гоголь чувствовал подчас иностранцем себя» [3. С. 212], а за время пребывания в Италии имел возможность еще и несколько позабыть его. Но даже по возвращении в Россию Гоголь перерабатывает текст «Мертвых душ» (1841–1842 гг.), обогащая вокабуляр поэмы ресурсами нелитературных форм русского языка: использует профессиональные и социальные жаргонизмы, названия животных и растений, не знакомые широкой аудитории. Яркий пример – слово «карамора», которое Гоголь вынужден прокомментировать в авторской сноске. Иными словами, язык «Мертвых душ» периодически становится достаточно экзотичным даже для русскоязычного читателя – тем более, если это современный читатель, – что в свою очередь, становится фактором, специфически определяющим переводческую стратегию.

На протяжении практически всей истории художественного перевода его практики и теории исходили из допущения, что возможно и нужно стремиться к тому, чтобы текст перевода читался как оригинальное произведение. Синтаксис, идиоматика оригинала должны приводиться в соответствие с нормами языка перевода в целях достижения «естественности» результирующего текста.

Прием остранения в тексте оригинала лишает его этого стимула: «чужое» слово в гоголевском тексте имеет право остаться «чужим» и в переводе. В уже упоминавшемся эпизоде зять Ноздрева отпрашивается домой «таким ленивым и вялым голосом, как будто бы, *по русскому выражению*, натаскивал клещами на ло-

шадь хомут» [2. С. 76]. Несмотря на то, что в английском языке нет аналогичного выражения, Инглиш решает не опустить данный фразеологизм при переводе, а привести кальку с оригинала: в английском тексте Мижуев ведет себя «just like – as Russians say – a person pulling on a horse's collar with a pair of pincers» [1. С. 174]. То же самое происходит и в других фрагментах, где автор нарушает естественное развертывание текста метаязыковыми вставками, в которых Гоголь как бы перестает говорить от своего лица и делегирует авторство высказывания анонимному «русскому народу»: сон Чичикова «во всю насосную закрутку, как выражаются в иных местах обширного русского государства» [2. С. 12] в нетронутым виде переходит в текст перевода: «<...> a deep sleep “with his bellows full open”, as the expression goes in far-flung corners of the Russian Empire(8)» [1. Р. 8]; – именно в силу того, что сам текст оригинала освобождает переводчика от необходимости подыскивать выражение, про которое можно было бы сказать: «Так выражаются у нас в Англии».

Фрагменту о жителях города NN, которые «<...> знали только, как выражаются, с помещиками Завалишиным да Полежаевым <...>» [2. С. 190], соответствует следующий текст в переводе: «<...> only kept company, as the saying goes, with Polezhaev and Zavalishin (these well-known terms, derived from the verbs for lying down and lolling about, are as widely used here in Russia as the phrase: “paying a call on Sopikov – old Wheezer – or Khrapovitsky – the Snorer”, which signifies any sort of log-like sleep on the back, the side, and in every other imaginable position, to the accompaniment of snorts, nasal whistling, and other similar embellishments) <...>» [1. С. 192]. Гоголевский текст вновь позволяет переводчику дословно перевести фрагмент без каких-либо прагматических адаптаций, сохраняя при этом высокую степень как эквивалентности (поскольку перевод практически дословный), так и адекватности (адекватный эффект достигается за счет приведенного Гоголем комментария). Однако Инглиш не только сохраняет фигуру остранения, содержащуюся в оригинале, но и моделирует еще одну – уже на уровне перевода. Это происходит, когда в тексте перевода наравне с оригинальными именами Sopikov и Khrapovitsky появляются англоязычные кальки, эксплицирующие внутреннюю форму гоголевских антропонимов: old Wheezer и the Snorer. Инглиш снова сохраняет здесь этнокультурную

идентичность имен персонажей и актуализирует для читателей перевода тот факт, что перед ними принципиально вторичный текст: перевод перестает функционировать как полноправная замена оригинала (что создавало иллюзию его первичности, автономности), а посредством транслитерации впускает в себя элементы оригинала, но одновременно еще и калькирует их. В результате образуется некое билингвальное единство, в котором оригинал и перевод сосуществуют уже не в парадигматических, а в синтагматических отношениях.

Подобное разрушение синтетичности англоязычного текста можно наблюдать и при переводе ряда других антропонимов. «Григорий Доезжай-не-доедешь» [2. С. 125] транслитерируется и одновременно калькируется: «Grigory Doezzhai-ne-Doedesh – “Go-But-Never-Get-There”» [1. С. 124]; «Петр Савельев Неуважай-Корыто» [2. С. 125] аналогично становится «Pyotr Saveliev Neuvazhai-Koryto – “Disdain-the-Trough”» [1. С. 135].

Итак, Инглиш прибегает к необычному переводческому приему, аналитическому по своей сути, который можно было бы назвать «переводческое остранение». Аналогично тому, как сам Гоголь «остраняется» от собственного текста посредством метаязыковых формул, переводчик «остраняется» от текста перевода посредством экспликации механизма переводческих трансформаций.

Впрочем, это не делает текст Инглиша экспериментальным, «постмодернистским» переводом. Основной массив текста – это качественный, стилистически достоверный перевод. Можно говорить о том, что Инглиш применяет элементы аналитического перевода только по отношению к таким аспектам оригинального текста, как пословицы, антропонимы и другие слова-реалии, несущие семантическую и этнокультурную нагрузку. Но и в этом отношении Инглиш варьирует переводческие решения. Например, имена главных героев он просто транслитерирует: Chichikov, Manilov, Korobochka, Nozdryov, Sobakevich и Plyushkin, – а внутренняя форма данных антропонимов расшифровывается в разделе «Примечания», который включает текст перевода.

На наш взгляд, именно равновесие между переводом-остранением (позволяющим сохранить этнокультурную достоверность) и адаптивным переводом, их органичное сосуществование выгодно отличает работу Инглиша в ряду других переводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gogol N.V. Dead Souls. Transl. Christopher English. Oxford: Oxford University Press, 1998.*
2. *Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. VI.*
3. *Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934.*

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 мая 2010 г.